

C-89

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А. Ю. СУЛЕЙМАНИ

МАЗДАКИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОПРОСЫ СЕМЬИ

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Баку — 1963

Работа выполнена на кафедре Истории СССР
Азербайджанского Государственного Педагогического
института им. В. И. Ленина и в Институте истории
Академии Наук Азербайджанской ССР

Решением Ученого Совета восточного факультета
Тбилисского Государственного Университета
официальными оппонентами назначены:

1. Член-корреспондент Академии наук СССР
профессор Ш. АМИРАНАШВИЛИ
2. Кандидат исторических наук
Г. ЧАЧАШВИЛИ
3. Кандидат исторических наук
Д. КАЦИТАДЗЕ

Автореферат разослан _____ 1963 г.

Защита диссертации состоится _____ 1963 г.
на Ученом Совете восточного факультета Тбилисского
Государственного Университета (г. Тбилиси,
проспект И. Чавчавадзе, 1).

Начало изучения движения маздакитов относится ко второй половине XIX в. Буржуазная историческая наука на протяжении почти столетия оказалась не в состоянии ни раскрыть его сущность, ни определить место и значение его в истории.

Работы советских ученых и прежде всего члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, опирающиеся на марксистско-ленинскую теорию, дают правильную оценку маздакитскому движению как одному из крупнейших народных движений раннего средневековья. Однако работы Н. В. Пигулевской и ряда других советских ученых, касающихся этой темы, посвящены в основном вопросам истории Ирана вообще и поэтому не могут охватить весь основной материал, связанный с маздакитским движением.

В диссертационной работе автор пытается осветить причины маздакитско-крестьянского движения и восстания 496—531 гг. на основе изменений, происходивших в производственных отношениях (усиление эксплуатации, общее ухудшение положения крестьян), исследовать идеологию маздакитов, ее характерные черты, показать политику Кавада I по отношению к маздакитскому восстанию и определить значение его в истории. Параллельно в диссертации делается попытка дать характеристику семьи в Сасанидском государстве.

Диссертационная работа состоит из предисловия, трех глав и заключения.

В предисловии дается характеристика истории классовой борьбы крестьянства, составлявшего в течение веков основную массу народа и главную часть производителей материальных благ в Иране.

В первой главе—«Источники и историография», которая состоит из 43 стр., дается обзор и анализ использованных автором источников и литературы. Вторая глава—«Маздакитское движение, социальные корни, ход и поражение», сос-

тоящая из 96 стр., делится на три параграфа: § 1—«Социально-экономические и исторические условия маздакитского движения»; § 2—«Идеология, программные требования, начало движения и политика шахиншаха Кавада I»; § 3—«Поражение маздакитского движения и его причины». Третья глава—«Характерные черты семьи периода маздакитского движения», состоит из 51 стр., делится на два параграфа: § 1—«Семья и семейный быт»; § 2—«Брак и свадебные обряды». Заключение посвящено историческому значению маздакитского движения.

Глава I. Источники по истории маздакитского движения можно разделить на две группы: 1) в которых сообщения исходят от его противников, 2) в которых сообщения исходят от его приверженцев. К первым преимущественно относились представители жречества и светской знати. Их сочинения изображают маздакитов в высшей степени безнравственными, низвергавшими моральные устои. Источники второй группы непосредственно до нас не дошли, но о них говорят арабоязычные авторы (Масуди, Табари, Саалиби, Хамза Исфакхани и др.). Из пехлевийских памятников в диссертации использованы «Авеста», «Аиннаме», «Матикан-е-Хазаре-дадстан», «Денкарт», «Майнио-и-Храд» и «Письмо Тансара». Используются также византийские, армянские, древне-еврейские, сирийские и арабо-персидские источники, которые содержат исключительно ценный материал, помогающий вскрыть социально-экономические отношения изучаемого периода.

К работе привлечены также данные из рукописей, находящихся в рукописном фонде Ленинградской Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР и в рукописном фонде АН Азербайджанской ССР.

При всем многообразии точек зрения исследователей на маздакитское движение, характерным для буржуазной историографии является взгляд на это движение как на один из моментов так называемой истории «общности имущества и женщин», направленной на «разрушение семьи». Буржуазные историки, исходя из этого, делали ложный вывод об отрицательном значении этого движения в истории Ирана. Отсюда недалеко и до вывода о том, что ответственность за «общность имущества и женщин», за «разрушение семьи» лежит на Маздаке. Соответственно этому участники восстания Маздака изображались, как виновники бед, разорения госу-

дарства, как люди, интересы которых шли в разрез с интересами общества.

За рамки этой порочной системы взглядов не мог выйти даже такой крупный специалист по истории Сасанидского Ирана как А. Христенсен. К истории маздакитского движения обращался видный иранский историк С. Нафиси, но и он не пошел дальше А. Христенсена.

История маздакитско-крестьянского движения и восстания, направленных против гнета Сасанидского государства, не могла рассчитывать на серьезное внимание к себе со стороны представителей феодально-буржуазной исторической науки. Именно этим можно объяснить то, что эта историография, рассматривая маздакизм в истории Ирана только как появление «новой веры», не дала ни одного специального исследования о восстании Маздака. Почти все представители буржуазной историографии, не понимая, а иногда и не желая понимать коммунистического движения, сравнивают с ним маздакизм и считают Маздака коммунистом. Так, Э. Браун пишет: «Мы без преувеличения можем сказать, что маздакитские взгляды похожи на современные коммунистические и социалистические, разница между ними только в вере. Маздак верит в бога, а современные коммунисты и социалисты не верят». Но ни маздакитское, ни какие-либо другие движения до появления на исторической арене рабочего класса нельзя сравнивать с современным научным коммунизмом.

По сравнению с вышеуказанными буржуазными авторами чешский историк О. Клима сделал большой шаг вперед в изучении истории маздакитского движения. Однако он не опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, не учел он и монографий, изданных в Иране, в основном ограничившись литературой, написанной на западноевропейских языках. Из советских историков О. Клима использовал, и то лишь частично, монографию Н. В. Пигулевской. В монографии О. Клим, кроме того, нет хронологической точности, в частности в датах движения маздакитов.

В советской историографии специальных монографий, посвященных истории маздакизма и вопросам семьи в Сасанидском государстве, нет, но имеется ряд статей. Поэтому создание истории маздакитского движения и освещения вопросов семьи того времени—одна из назревших задач, которую пытается решить автор данной работы.

Глава II. Маздакитское движение, будучи крупнейшим явлением в истории Сасанидского государства конца V и начала VI вв., явилось закономерным выражением борьбы крестьянства против крупных землевладельцев и маздеистского духовенства. Как и всякое значительное общественное, идейное течение, оно было тесно связано с современной ему действительностью. Маздакизм, как идеология народного движения, возник в результате взаимодействия ряда факторов, определяемых экономической жизнью общества.

Общество в Сасанидском государстве распадалось на четыре сословия, из которых три первых (жречество, воины, землевладельческая знать) налогов не платили. Вся тяжесть налогового бремени падала на сословие трудящихся, считавшееся низшим. Оно было угнетенным и несправедливым. Все высшие сословия так или иначе участвовали в его эксплуатации. Поэтому жречество, воины, знать были заинтересованы в его экономическом и политическом порабощении.

Положение крестьян было тяжелым. Правительство шахиншаха, когда ему срочно нужно было собрать подати, особенно для ведения войн, ни перед чем не останавливалось для достижения своей цели. Крестьянская община в Сасанидском государстве распадалась. Община того времени состояла из совокупности семейств, и наряду с полноправными членами имела и неполноправных. Землевладельцы, власть которых была преобладающей, стремились отторгнуть у общины ее собственность. Чем дальше шло экономическое развитие, тем противоречия становились все острее, и это вело к нарастанию антагонизма между крестьянами и землевладельцами. Противоречия между ними носили локальный характер. Но при известных условиях они охватывали целые провинции и проявлялись в массовых движениях.

Рабство, как уклад, продолжало сохраняться в Иране. Рабский труд находил себе применение как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. «Письмо Тансара» повествует о том, что военнопленные, захваченные во время походов, направлялись работать на поля. Положение рабов было крайне тяжелым. Они не считались субъектами права.

Сельское население Ирана в то время было разнородным: существовали государственные крестьяне нескольких категорий, различные типы религиозно-зависимых крестьян, пахала (батраки) и рабы. Разнообразие категорий зависимого

населения—характерная черта периода становления феодальных отношений.

Землевладение являлось привилегией, из-за которой шла упорная борьба. Захват земель, начавшийся при Бахrame II (276—293), который этими землями щедро наделял своих приближенных, особенно усилился при Бахrame V (420—438). Землевладельческое трудовое население все больше теряло право распоряжаться продуктами своего труда. Тенденция превращения крестьянина в раба общинной земли, в личную собственность, определяла глубокие изменения в социально-экономических отношениях Сасанидского государства.

Большинство иранского населения экономически находилось под тройным гнетом: государства, жречества и светской знати. Непосильные налоги являлись выражением беспредельного произвола эксплуататоров.

Маздеистское духовенство оказывало огромное влияние на государство и общество. Подобно тому, как во главе государства стоял шахиншах, во главе жречества стоял мобадане-мобад.

В Сасанидском государстве, особенно в IV—V вв., имели место разногласия между государством и жречеством. Жречество, как говорил Аммиан Марцеллин, являлось как бы государством в государстве.

Неурядицы, начавшиеся с конца IV в. и продолжавшиеся в течение всего V в., были отчасти результатом агрессивной политики сасанидского правительства, требовавшей материальных и людских ресурсов. Эта политика не могла не привести к разрухе хозяйства и к ухудшению положения народных масс.

Активное влияние на формирование маздакитского учения оказывали и элементы надстроечного характера. К таким элементам относились различные «еретические учения». Главное место среди них занимало манихейство, возникшее в Иране в первой половине III в., в период падения рабовладельческого строя.

Маздакитская идеология, формируясь и имея почву для распространения, нуждалась в человеке, который создал бы идеологическую систему, призванную выразить классовые настроения народных масс. Таким человеком оказался Маздак, сын Бамдада.

Идеология маздакитов тесно связана с гностицизмом, принципы которого лежат в основе учения манихеев

и других «еретических учений». Во взглядах маздакитов нашел свое выражение религиозный дуализм, вера в существование двух начал: добра и зла, которые ведут между собой непримиримую борьбу. Но, как отмечает Н. В. Пигулевская, в маздакизме получили развитие мотивы борьбы со злом, которые опирались на тезис о возможности победы добра над злом.

Маздакиты подчеркивали, что в обществе царит несправедливость вопреки обратным утверждениям официального духовенства. Идеи маздакитов в основных своих чертах сводились к тому, что частная собственность—не естественное состояние, и что блага вселенной—собственность всех людей. Единственным собственником Маздак признавал бога, который, по его словам, свое имущество передал людям не в собственность, а только во временное пользование, надеясь, что они поделят имущество поровну.

Маздак, проповедуя добро, говорил, что человек создан для добрых дел, поэтому он не должен ни убивать, ни воровать, ни обманывать, ни притеснять других, тогда как богатые притесняли бедных, отбирали их имущество, заставляли работать на себя. Маздак проповедовал, что необходимо покончить с этим. Он требовал, чтобы люди отрекались от своих богатств и раздавали их бедным.

Маздакиты боролись против неравенства вообще и в связи с этим—против эксплуатации трудящихся жречеством и светской знатью. Ставя перед собой цель восстановить некогда существовавшие формы крестьянских общин, маздакиты добивались, говоря словами Ф. Энгельса, «восстановления... равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений».

Идеология маздакитов, как и другие идеологии средневековья, была идеалистического характера. По мнению же О. Климы, маздакизм не имел религиозного характера. Ф. Энгельс отмечает, что «Всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви».

В центральных областях Ирана, где влияние маздакитского движения было особенно сильным, лозунги их, направленные против жречества и землевладельцев, получили наиболее широкое распространение.

Рост маздакитского движения привлек к себе внимание дальновидных политиков из среды светской знати и—самого Кавада I. До нас дошли прямые сведения о свидании Кава-

да I с Маздаком. После того, как между Кавадом I и Маздаком установились дружественные отношения, появились «Кавад-Наме» и «Маздак-Наме». Вероятно, Кавада I увлекли идеи и личность Маздака, но не это явилось основной причиной, заставившей его стать сторонником Маздака. Из источников известно, что в тот период жречество и светские аристократы достигли такой силы, что не только не подчинялись шахиншаху, но даже грозили свергнуть его с престола. Когда шахиншах Балаш хотел провести в стране ряд реформ, которые были направлены против жречества, его ослепили, а на престол посадили его брата Кавада I. Последний тоже продолжал пользоваться антижреческими лозунгами, только намного смелее, чем шахиншах Балаш. Чтобы обеспечить себе в этой борьбе поддержку, он заключил союз с руководителем народного движения—Маздаком. Однако союз, заключенный между Кавадом I и Маздаком, не говорит о преследовании ими одной и той же цели. Маздак требовал полного уничтожения ненавистного ему и народу жречества, Кавад I стремился лишь заменить одних лиц другими, не изменяя в целом систему жречества.

Вопрос о дате начала движения маздакитов в исторической литературе до сих пор окончательно не разрешен, хотя его касались некоторые исследователи. Тщательное изучение первоисточников приводит к предположению, что начало маздакитского движения падает на конец первого правления Кавада I, т. е. на 496 г.

Арест и бегство Кавада I уже в середине VI в. передаются в легендарной форме. Источники утверждают, что он бежал из тюрьмы к эфталитскому царю, и последний дал ему войско для возвращения престола. В конце 498 г. или начале 499 г. Кавад I с помощью Сиявуша, сына Саферая, вторично вступил на престол. Он назначил его главнокомандующим (арташтарансалар) всей армии. Большую роль сыграли в возвращении Кавада I на трон и маздакиты. Затем, с помощью эфталитского войска он подавил выступление угнетенных народов: армян, албанцев и иберов, вышедших из повиновения за время смутных лет и неоднократно пытавшихся добиться свободы и независимости.

Усмирив армян, Кавад I обещал не посягать на их веру, если они будут союзниками Ирана в войне с Византией. Армяне приняли эти условия, и шахиншах объявил их религию свободной.

За оказанную помощь Каваду I необходимо было наградить эфталитские войска, это можно было сделать за счет

денег, полученных у Византии, которая по договору ежегодно платила Ирану 5500 кентенариев золота для обеспечения безопасности его границ от гуннов, наносивших большой ущерб как Византии, так и Ирану. Но когда Кавад I обратился к византийскому императору Анастасию с требованием платы, последний согласился уплатить только под расписку. Кавад I счел это за оскорбление, что и послужило поводом для начала войны с Византией. В 506 г. Иран одержал победу, но под угрозой гуннского вторжения Кавад I заключил мир с Византией на семь лет, вернулся в Иран и нанес гуннам такой удар, что они долгое время не решались нападать.

Когда Кавад I стал, как казалось ему, всемогущим, он решил возобновить закон о престолонаследии, якобы установленный Ардаширом Бабаканом. После Шапура II этот закон был предан забвению, жречество сажало на престол угодных ему лиц, хотя и не выходило при этом за рамки сасанидской династии. Возобновить сразу закон о престолонаследии Каваду I мешало то, что у него было три сына: старший Каус—сторонник маздакитов, второй—Зам, лишенный одного глаза, и поэтому по закону не имевший права на престол, третьим был Хосров. Его то Кавад I хотел назначить своим наследником. Он предложил императору Византии Юстиниану I (527—565) усыновить Хосрова, надеясь, что в дальнейшем Юстиниан при необходимости поможет ему стать шахиншахом. Но переговоры по этому поводу, которые вел Сиявуш в 528 г., не дали положительных результатов. Воспользовавшись этим, жречество обвинило Сиявуша в отступничестве от зороастрийской религии и дело его передало в государственный совет, в котором все были настроены против него. Государственный совет, признав обвинение веским, приговорил его к смертной казни. Кавад I, хотя и был недоволен Сиявушем, встретил этот приговор с сожалением. У Прокопия Кесарийского есть, как нам кажется, верная мысль, что смерть Сиявуша была первым ударом по маздакитскому движению.

В правящих кругах Ирана считали, что Эгриси издревле была страной, подвластной Ирану, поэтому крещение царя лавов Цатэ сначала вызвало протест шахиншаха, а затем привело к войне с Грузией и Византией. В Картли в то время под руководством царя Гургена поднималось восстание против Ирана, Кавад I напал на Картли, но встретив сильное сопротивление, вынужден был отступить, тем более, что в это время к Армении приближались войска Византии

во главе с Велизарием. Однако война продолжалась до 531 г., вернее, до вступления на престол Хосрова I. В 532 г. между Ираном и Византией был заключен «вечный» мир.

В исторической литературе точно не установлена дата поражения маздакитского движения. Ряд исследователей датирует поражение маздакитского движения 524 годом, другие относят к концу 528 г. или началу 529 г. К первым относятся О. Клима и Сеид Мамед Таги; ко вторым—Т. Нельдеке, А. Христенсен, Ф. Шпигель, Х. Пирния, С. Таги-заде и С. Нафиси.

Готовя расправу с маздакитами, Кавад I собрал представителей маздакитов во главе с Маздаком, чтобы он доказал правоту своих идей, чего Маздаку якобы сделать не удалось. Тогда Кавад I разрешил Хосрову I поступить с маздакитами по своему усмотрению, и так как Хосров I был настроен против маздакитов, то приказал войску расправиться с ними. Взяв за основу одни и те же источники, исследователи считают, что это происходило в момент землетрясения в Антиохии. Но одни считают, что это землетрясение произошло в 524 г., другие относят что его к концу 528 г. или же к началу 529 г. Нам кажется, что движение маздакитов не могло потерпеть поражение в 524 г. Если бы движение маздакитов потерпело поражение в этом году, то смерть Сиявуша источник не считал бы первым ударом по маздакитам. Датой поражения нельзя считать и 528/529 гг., так как в это время происходила война с Византией, вследствие чего Иран ослаб, а потому не мог выступить против мощного маздакитского движения. На основании источников (в основном арабо-персидских) мы можем предположить, что поражение маздакитов произошло в 531 г., когда на престол вступил Хосров I.

Маздакитское движение носило стихийный, неорганизованный характер, и поэтому оно, как всякое крестьянское движение, потерпело поражение. Марксизм-ленинизм вскрыл исторические судьбы крестьянства, научно доказал, что для победы класса крестьян необходим его союз с пролетариатом, при руководящей роли пролетариата и его партии в этом союзе. Только при этом условии крестьянские выступления могут увенчаться успехом. Этому учит опыт многочисленных крестьянских движений, в том числе и восстание маздакитов.

Глава III. В Сасанидском государстве основной формой семьи была одна из разновидностей патриархальной семьи. Возникновение такой семьи связано с развитием производи-

тельных сил общества, появлением усовершенствованных орудий труда, более сложных форм хозяйства. Семья эта включала обычно несколько поколений ближайших сородичей, потомков одного отца с их женами и детьми, иногда с зятьями и другими родственниками. Глава семьи назывался **кетакхутай**, он считался единственным распорядителем всего семейного имущества, все доходы семьи поступали в его полное распоряжение, он пользовался правом телесного наказания членов семьи и правом их временного и постоянного изгнания.

Наличие в доме некровных родственников позволяет считать, что в какой-то мере в такой семье сохранились пережитки коллективной собственности на имущество.

По утверждению А. Мазахери, после реформ Хосрова I эта классово-патриархальная семья распалась, и в связи с этим пришли в упадок власть и институт **кетакхутаев**. Однако распад такой семьи, исчезновение института **кетакхутаев** нельзя целиком аргументировать реформами Хосрова I, хотя бы потому, что остатки подобной классово-патриархальной семьи можно встретить в Иране по сей день.

После **кетакхутая** в семье неограниченной властью пользовалась главная жена—**кетакбану**, которая надзидала за поведением женщин и ведала домашним хозяйством.

Уважение и почтительность к **кетакхутая** и **кетакбану** соблюдались всеми членами семьи. Несмотря на то, что **кетакбану** после **кетакхутая** в семье занимала главенствующее положение, и она, как и остальные женщины семьи, равноправия с мужчиной не имела. Женщину не признавали как личность. Она должна была ежедневно трижды спрашивать у мужа, что ей делать, о чем говорить и о чем спрашивать у других. За малейшую провинность муж мог нанести жене жестокие побои, а в случае действительной или померещившейся ему измены обычай давал право мужу убить ее. Эти традиции шли издревле, о них Ф. Энгельс пишет: «...жена отдается под безусловную власть мужа, если он ее убивает, он только осуществляет свое право».

Хотя женщина в Сасанидском государстве пользовалась большим уважением, чем женщина предыдущей эпохи, однако и она в конце концов была для мужчины только матерью его брачных детей и его домоправительницей.

Власть отца над детьми была так же сильна, как и над женой. Все дети находились в полной зависимости от него. Он мог отдать сына в услуги кому хотел, и сын был обязан ис-

полнить волю отца. Глава семьи имел право отделить сыновей, одному дать больше имущества, другому—меньше, мог изгнать сына из дома и даже убить его. Следует однако отметить, что детоубийцы презирались обществом, от них не принимали приглашения ни на свадьбу, ни на поминки, их не поздравляли даже с праздником «Новруз».

Что касается власти отца над дочерью, достаточно сказать, что за выкуп отец мог выдать ее за любого человека, и дочь должна была подчиниться отцовской воле. Если она выходила замуж без разрешения отца, он не давал ей приданого, и она исключалась из числа членов семьи.

Утверждают, что зороастрийская религия освящала запрет многоженства, и это, по словам А. Мазахери, являлось основным препятствием к нему. Но факты против этого. Исходя из источников, можно утверждать, что полигамия была распространена в основном у высших сословий, и это зависело от имущественных возможностей, а не от религии.

Касаясь положения рабов и слуг в семье, следует сказать, что они не имели никаких прав. Хозяева полностью распоряжались ими. Однако слуга зависел от хозяина только в период услужения. Положение рабов в Иране, по сравнению с положением рабов в Греции и Риме, было намного легче. Здесь раб мог иметь семью. Если он принимал зороастрийскую веру, то освобождался и от рабства.

В Сасанидском государстве, как и в других классовых обществах, браки заключались по расчету. Основной целью брака были дети, которые наследовали имущество. Была тенденция к родственным бракам. Они освящались зороастрийской религией и считались очень древней традицией.

По общему правилу, невесту для молодого человека подыскивали родители, если они были живы, в противном случае, он это делал сам, конечно, советуясь с главой семьи, мнение которого во всех случаях имело большой вес.

Юноша мог вступить в брак только по исполнении восемнадцати лет, а девушка—пятнадцати. В некоторых случаях молодого человека женили даже в возрасте тринадцати—четырнадцати лет. В основном это имело место в семьях, в которых умирал отец, а родственники хотели «сохранить род», что мог сделать только сын, ибо девушка после замужества переходила в род мужа.

После того, как выбор невесты сделан, к ее отцу засылали сватов, среди которых обычно были и родственники жениха. Иногда, прежде чем получить согласие, сватам приходилось являться вторично в дом невесты. Переговоры

заканчивались выяснением размера выкупа, даваемого за девушку.

Важнейшую роль в бракосочетании играло приданое. Это было связано с тем, что девушка, в отличие от юноши, наследства не получала. Потому, когда брали девушку, старались получить как можно больше приданого.

Следующий этап сватовства назывался «пейман-зана-шуи» (празднество по случаю объявления помолвки). Происходил он в доме девушки, куда посланники жениха везли богатые подарки. После помолвки молодой человек шел иногда к невесте и это называлось «нешан-бази».

За два—три дня до свадьбы совершался обряд «хна бан-дан». Из дома жениха отправлялась процессия, состоявшая из его родственников и друзей. С музыкой, танцами и факелами они несли невесте хну и сладости.

Свадьба начиналась вечером, одновременно в доме жениха и в доме невесты.

Свадебные расходы обычно велики и часто были не под силу беднякам. Но несмотря на это, и они старались сыграть свадьбу, так как женитьба без свадьбы считалась позором.

У зороастрийцев имели место следующие виды брака: законный, незаконный, и брак взаймы. Законный брак пользовался большими привилегиями, и поэтому дети, рожденные от такого брака, имели право на наследство. Женщин, вступивших в законный брак, называли царевнами (падишахзан).

Незаконных жен называли конкубинами (чикарзан). Они и их дети не имели права на наследство.

Мужчин, вступивших в брак взаймы, называли «мирак», а женщин—«занак». Такой вид брака существовал задолго до появления маздакитов, о чем говорит и Геродот.

В настоящее время в Иране имеет место брак «сийга». Джахангир Мехребанпур утверждает, что этот вид брака подобен браку взаймы. Но он ошибается, так как «сийга» была результатом распространения ислама; по шариату, в «сийга» мужчина мог вступить только с женщиной, которая не имела мужа, он не мог войти в «сийга» с девушкой, у которой был жених.

Таким образом, в семье в Сасанидском государстве наблюдался антагонизм между ее членами. Они делились на господствующих и зависимых. У низшего состояния эта зависимость не принимала такой резкой формы, как у высших сословий. Женщина пользовалась относительно большей сво-

бодой и уважением, она могла наравне с мужем расторгнуть брак.

Некоторые современные буржуазные историки (Рашид Ясими, Г. Алеви, Г. Пирния, М. Г. Фруги) утверждают, что проповеди Маздака приводили к разрушению семьи. М. Г. Фруги пишет, что маздакитские идеи разрушили семью, и только благодаря реформе Хосрова I семья приняла прежние формы.

Основываясь на источниках, мы можем сказать, что маздакиты не только не стояли за разрушение семьи, наоборот, они укрепляли ее, провозглашая равенство в семье для всех. Не случайно маздакитские идеи находили наибольшее распространение среди бесправных членов семьи.

В основном маздакиты старались уничтожить то неравенство, которое имело место среди членов семьи, а также между сословиями. Они мечтали восстановить семью, в которой все были бы равны, работали и делили имущество поровну.

Заключение. Движение маздакитов является наиболее крупным, как по масштабам, так и по значению, крестьянским восстанием в Иране и в прилегающих странах. До этого движения Иран знал ряд выступлений народных масс. Но движения, предшествовавшие маздакитскому, оказали меньше влияния на развитие общества. Это, в частности, объясняется тем, что различные группы господствующего класса во время этих движений выступали против народных масс единым фронтом. Уже в первый период формирования маздакитского движения началась упорная борьба между жречеством и государством. Кавад I поддержал маздакитов, рассчитывая с их помощью найти путь ограничения жречества. Последнее, решив расправиться с маздакизмом, сочло необходимым отстранить Кавада I от престола и на его место посадить его брата Джамаспа. Однако, отстранив Кавада I, оно не могло расправиться с маздакитами, которые продолжали усиливаться.

Исходя из фактов, мы приходим к выводу, что влияние маздакитов было явлением для того времени прогрессивным и положительным. Воззрения маздакитов оказывали на народ революционизирующее влияние, поднимали на борьбу против духовенства. Маздакитские идеи подрывали устой господствующего строя, вскрывали его несправедливость.

Руководитель движения Маздак выступил в качестве выразителя оппозиционных, враждебных духовенству и

светской знати настроений, взглядов и тенденций, отвергавших установленный правовой и социальный порядок. Он создал идеологию, преемникам которой суждено было на протяжении столетий потрясать основы религии во многих странах Передней и Средней Азии. Заслуги Маздака, сумевшего выразить чаяния народа, очень велики. Его имя следует поставить в один ряд с именами виднейших мыслителей эпохи феодализма.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ
ОПУБЛИКОВАНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:**

1. Семья в Сасанидском государстве. Известия АН Азерб. ССР, № 3, 1961 г.
2. Маздакитское движение. Журнал «Азербайджан», № 6, 1963 г.

Подписано к печати 29/IV 1963 г. ФГ 06975. Заказ 128. Тираж 180.

Типография АПИ имени В. И. Ленина, Баку, ул. Уз. Гаджибекова, 34.